

1857 Михаил Иванович Глинка 1957

В знаменитых «Письмах к любителям музыки», появившихся вскоре после первого представления «Ивана Сусанина», в 1836 году, В. Ф. Одоевский торжественно возвестил, что с этой оперой появляется «новая стихия в Искусстве», и начинается в его истории новый период: Период Русской музыки».

А через два года после смерти Глинки в статье, посвященной его другому великому творению, В. В. Стасов выражал уверенность в том, что наступит время, когда «будет уже понятно у нас, что Глинка для нас то же, что Гюль и Моцарт для Германии... что Глинка, создавший «Руслана и Людмилу», принадлежит к числу тех людей, которым ставится монументы. Какое это будет тогда время!».

Стасову суждено было дожить до того времени, когда Глинке были воздвигнуты монументы на его родине, когда его бюст был установлен в пражском Национальном музее рядом с бюстом Шекспира, когда вся передовая европейская общественность увидела в Глинке гениального композитора, основоположника русской музыкальной классики, художника-патриота, с небывалой силой воплотившего в своем творчестве величие, благородство и мощь родного народа.

«Самым национальным из всех великих музыкантов» назвал Глинку младший современник Стасова, французский музыковед Камилл Беллегр, заметивший, что «в музыке Глинки поет сама земля русская, поют воды и русское небо». Полстие это поэтическое ощущение красоты и обаяния русской природы стало общечеловеческим достоянием не только благодаря пейзажам русских живописцев в вдохновенных картинах русских писателей, но и благодаря дивным творениям Глинки и тех мастеров, чья творческая сила за его именем вопли в историю овеянной славой «періода Русской музыки».

Песни русского народа неотделимы от природы во всем ее многообразии, присутствием широко раскинувшейся стране. Мелодия русских песен и инструментальных наигрышей насыщаются то весенним пылом юности, то зноем летней страды, то элегической грустью «осени первоначальной», то бодростью, рожденной морозным воздухом. Но никогда настроения эти не уводят от жизни человека, а, наоборот, сливаются с ней в нераздельном единстве. И на фоне картин природы развертываются повествования о горькой доле бедняка, о радостях и печалах любви, о подвигах былинных героев и защитников земли русской, а прежде всего и превне все — о пламенной любви к родине.

Это чувство развивалось в юном Глинке и тогда, когда он смотрел на поля, расстилавшиеся вокруг Новоспасского, и тогда, когда он слушал русские народные песни. «...и может быть эти песни, слышанные мною в ребячестве, были первой причиной того, что впоследствии я стал преимущественно разрабатывать народную русскую музыку», — вспоминал Глинка на склоне лет в своих «Записках».

Глинка был неутомимым путешественником, чутко откликавшимся на встречи с людьми, на впечатления от природы и произведений искусства, и отголоски этих впечатлений звучат, например, в песнях, написанных им в Италии в начале тридцатых годов прошлого века. Но Глинка признался впоследствии, что песни эти «убедили меня только в том, что я шел не своим путем и что я искренно не мог быть итальянцем». Тоска по отчизне навела меня постепенно на мысль писать по-русски».

Глинка завоевал новые высоты

Эскиз И. РЕПИНА к портрету Глинки.

Музыкального искусства благодаря не только силе, но и направленности своего гения.

Великий основоположник русской музыкальной классики уже в «Иване Сусанине», этой «внутренней заре русской оперы», как выразился Б. В. Асафьев, стал выразителем демократических идей, вынужденных переломной русской общественностью, и прежде всего идеи народного патриотизма. «В полной и зоркой натуре тяжело лежат на сердце судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознает свое кровное родство, свои кровные связи с отечеством», — писал Великий.

Судьбы родины «тяжело лежали на сердце» и Глинки, и Пушкина, который «вслед Радищеву восслабил свободу», а годы, принесшие «Сусанина», посвятил работе над историческим и художественным воссозданием образов народно-освободительного движения, запечатленных в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачева». «Весь черныи народ был за Пугачева» — так начал «Общие замечания» к своему историческому труду Пушкин, подчеркивая народно-освободительный характер движения, которое Николай I повелел именовать «бунтом».

То, что «История Пугачева» появилась именно в годы создания «Ивана Сусанина», написанного на сюжетной основе рыцарской думы, было не менее закономерно, чем хронологическое совпадение горьковской «Песни о Буревестнике» с «Кашеєм» Римского-Корсакова, овеянного могучим дыханием Буревестника, иными словами — восставшего, освобождающегося народа.

В русских классических операх, созданных Глинкой и продолжателем его традиций, освобожденные, патристические идеи воплотились в центральных, стержневых образах положительных героев. Такими героями были Иван Сусанин, былинный витязь Руслан, Игорь Северский, князь и воины витязские, Иван-королевич и другие незабываемые

персонажи нашей оперной классики. И на протяжении всего периода ее развития можно проследить развитие традиций Глинки который достиг поразительной идейно-эмоциональной цельности, сочетающейся с убеждающей правдивостью каждого образа. Такое сочетание, конечно, сопряжено с значительными трудностями, так как принцип отбора только положительных черт, в сумме составляющих тот или иной образ, казался бы, таит угрозу схематичности, которой, однако, никогда не грезит образ русской оперной классики вообще, тем более ее центральные персонажи.

Можно заметить далее, что правдивость этих образов достигается путем насыщения героической атмосферы подвига волею, глубоко человеческой личностью, которая подкупает искренностью чувства и задушевностью. Сусанин — не «оперный герой» на котурнах, а живой человек, совершающий подвиг патристического самопожертвования не в пылу романтического аффекта, а во имя осознанной необходимости гражданского долга, ни в малой мере — подчеркнем это — не мешающей Сусанину чувствовать и видеть в предсмертной арии скорбь расставания с жизнью. Ибо чем больше человек любит родину, тем больше любит он свою жизнь, посвященную служению родине...

В лице Сусанина воплощаются наиболее типические, лучшие черты русского народа и вместе с тем рисуются живой, созданный гением великого художника-гуманиста образ русского человека. Сочетание мужественной героики с лирическими раздумьями характеризует и образ витязя Руслана.

Глинка умел удивительно органично сочетать в драматургическом развитии произведения центральный образ положительного героя с собирательным образом народа. Именно на этих принципах построены, обуревленные высокой идейностью замысла, основанная музыкальная драматургия русских классических опер, часто заканчивающихся поэти-

му хоровым эпическим-апофеозом, утверждающим идею народного величия, силы и моральной правоты. Именно так кончатся «Сусанин», «Руслан», «Игорь».

Масштабы идейно-художественных обобщений русской оперной классики настойчиво требовали широкого вокально-симфонического дыхания. Глинка показал, что нельзя воплотить образ народной мощи без изданных ее отражающей песенной шири, неизменно ощущающейся и в национальных традициях русской оперной классики, и в самобытных приемах развития русской вокальной школы.

Вокальное творчество Глинки и его последователей основано прежде всего на «простом, широком пении», восходящем к народным истокам. Именно из этих истоков почерпнута широкая «распевность» глинкинского оперного насыщающая вокально-симфонические образы. Инструментовка в операх Глинки отличается, как известно, особой певучестью, достигаемой отчасти благодаря тому преобладающему звучанию струнной группы, которое Римский-Корсаков в своих «Основах оркестровки» законно назвал признаком «высшего развития вкуса».

В своих операх и романах Глинка поднял на недостижимую высоту культуру вокальной декламации, глубоко постигнув красоту звучания русского слова. Выразительность русского слова. «Музыкальной интонацией Глинка вскрывал в мелодике русского стиха его природные корни», — отмечал Б. В. Асафьев, комментируя известный тезис Валерия Брюсова о «мыслевом стихосложении» русских песен. И эмоциональное богатство глинкинской музыки сочетается с громадным интонационным многообразием. В бессмертной арии Сусанина каждое слово звучит с той истовостью, с которой русский человек прощается с жизнью. А драматические «вспышки» в этой арии отражают чувство мучительной тревоги за судьбу родины.

«Певучие раздумья» ария Руслана контрастно оттеняются его обращением к Перуну, — здесь властно звучат порывистые интонации речи разгневанного и смелого воина, тогда как в партии Людмилы слышатся интонации девичьих признаний и «распетой» грусти. Если вслушаться в излияния пленной княжны («Ах ты, доля, доломка!» в четвертом акте), то вновь и вновь вспоминаются слова Глинки: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аражикируем».

Не о цитировании фольклорных источников и не о стилизации здесь идет речь, а о художественном обобщении, которое доступно лишь подлинно великим мастерам. И разве не являлся таким гениальным обобщителем партитуры «Сусанина» и «Руслана», разве не запечатлел Глинка на страницах этих партитур вышедшие из глубин народной жизни образы, гениально развитые вокально-речевые интонации, которые восходят к русской народной песне и слову, порой мужественному и торжественному, порой скорбному и задумчивому.

Так же богат, своеобразен и выразителен строй песен и романсов Глинки, который гениально претворил и несравненную музыку пушкинских стихов и романтический парос баллад Жуковского, и лирику Баратынского, Милковского, Лермонтова.

Именно Глинка наметил национально-самобытные пути становления русской симфонической музыки, показав своей «Камаринской», какое громадное значение и для этого жанра имеет песенно-танцевальное народное творчество и, в частности, созрелые в нем вариационные принципы развития. И если Пушкина справедливо называют творцом русского литературного языка, то с не меньшим основанием Глинка может быть назван создателем русской музыкальной речи.

Так же как и Пушкину, Глинке органически чужда была национальная ограниченность во вкусах и творческих стремлениях. Уже в юные годы достиг он величия Баха и Генделя, Моцарта и Бетховена, увлекся драматическим оперным искусством итальянских оперных композиторов, на темы которых (так же как на одну из моцартовских тем) он писал даже вариации и фантазии. К числу творческих побед Глинки принадлежат его знаменитые испанские увертюры «Арагонская хота» и «Воспоминание о летней ночи в Мадриде».

Еще в детстве привлек на Глинку «непостижимое, новое и восхитительное».

Во многих отношениях Глинка имеет в русской музыке такое же значение, как Пушкин в русской поэзии. Оба великие таланты, оба родоначальники нового русского художественного творчества, оба — глубоко национальные, черпавшие свои великие силы прямо из коренных элементов своего народа, оба создали новый русский язык — один в поэзии, другой в музыке.

Он всею жизнью своей оправдал слова свои, сказанные еще ребенком: «музыка — душа моя!... он влил в звуки своей музыки всю кровь сердца своего, и оттого создания его, оставшиеся навеки бессмертными сосудами, которых содержание драгоценно, заключают в себе в то же время власть над каждым душою, в которой раздается священный звук души».

Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников слова, звуков, красок... Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России, а рядом с ним волшебник Глинка...

Читаю Пушкина и убеждаюсь, что я прав, назвав их — Пушкина и Глинку, братьями, это такие два силача, что ух!

Только поэзия Пушкина, с которым Глинка представляет наиболее родственные черты, дает подобие той глубины и искренности настроения, той внутренней цельности и гармонии, того светлого и идеального содержания, которое владеет сквозит у Глинки чрез блестящее и порою виртуозное мастерство техники, и нельзя, мне кажется, лучше охарактеризовать Глинку, как назвав его нашим музыкальным Пушкиным...

Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов? Покажите мне народ, у которого бы больше было песен... У нас ли не из чего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало.

Он (Глинка) глубоко вникнул в характер нашей народной музыки, подметил все ее особенности, изучил,

Деятели культуры о творчестве композитора

«Я. М. Неверов», великопленный хор эпиграфа «Слався, слався, Святая Русь» — одно из высших бессмертных созданий Глинки, и вместе с тем полнейших выражений русской народности в музыке. В этом, очень простом сочетании звуков вся Москва, вся Русь времен Минина и Пожарского!..

Целая теория «народности» в оперной музыке должна опираться на произведения Глинки, как на краеугольный камень. Все будущее развитие музыкального искусства в России тесно связано с партитурами Глинки... (А. Н. Серов).

Иван Сусанин — зерно, из которого... должен развиться целый музыкальный период. «Руслан и Людмила» есть вторая отрасль того же направления: в ней преобладает характер славянский — фантастический; это наша сказка, легенда — но в музыкальном мире.

О, верьте мне! на русской музыкальной почве вырос роскошный цветок, — он ваша радость, ваша слава. Пусть черви силятся аспозлать на его стебель, и запятнать его, — черви спадут на землю, а цветок останется. Берегите его: он цветок нежный и цветет лишь один раз в столетие. (В. Ф. Одоевский).

Проявление необычайной гениальности есть Камаринская... Почти пятьдесят лет... прошло; русских симфонических сочинений написано много, можно сказать, что имеется настоящая русская симфоническая школа. И что же? Вся она в Камаринской, подобно тому, как весь дуб в жолуде! И долго из этого богатого источника будут черпать русские авторы, ибо нужно много времени и много сил, чтобы исчерпать все его богатство. (П. И. Чайковский).

Он открыл целую систему русской мелодии и гармонии, построенную в самой народной музыке и несходную ни с одною из предыдущих школ. (Н. А. Мельгунов).

Великий талант

«Самым национальным из всех великих музыкантов» назвал Глинку младший современник Стасова, французский музыковед Камилл Беллегр, заметивший, что «в музыке Глинки поет сама земля русская, поют воды и русское небо».

«Самым национальным из всех великих музыкантов» назвал Глинку младший современник Стасова, французский музыковед Камилл Беллегр, заметивший, что «в музыке Глинки поет сама земля русская, поют воды и русское небо».

«Самым национальным из всех великих музыкантов» назвал Глинку младший современник Стасова, французский музыковед Камилл Беллегр, заметивший, что «в музыке Глинки поет сама земля русская, поют воды и русское небо».

«Самым национальным из всех великих музыкантов» назвал Глинку младший современник Стасова, французский музыковед Камилл Беллегр, заметивший, что «в музыке Глинки поет сама земля русская, поют воды и русское небо».

«Самым национальным из всех великих музыкантов» назвал Глинку младший современник Стасова, французский музыковед Камилл Беллегр, заметивший, что «в музыке Глинки поет сама земля русская, поют воды и русское небо».

«Самым национальным из всех великих музыкантов» назвал Глинку младший современник Стасова, французский музыковед Камилл Беллегр, заметивший, что «в музыке Глинки поет сама земля русская, поют воды и русское небо».

«Самым национальным из всех великих музыкантов» назвал Глинку младший современник Стасова, французский музыковед Камилл Беллегр, заметивший, что «в музыке Глинки поет сама земля русская, поют воды и русское небо».

«Руслан и Людмила»

Из рукописных фондов академیکا

«Руслан и Людмила» — классическая русская опера. Влияние ее музыки сильно сказалось на творчестве большинства русских композиторов. «Руслан» продолжает жить, восхитая своим размахом, свежестью и глубиной музыкальных идей, расточительным богатством мелодий, безупречной классической чистотой и соразмерностью форм, пластичной гармонией, роскошной изобретательностью в области оркестрового колорита и общей проникновенностью, задушевностью и ясностью музыки...

Как человеческий голос, так и инструмент выказывают себя в музыке Глинки с самой естественной и в то же время прекрасно экспрессивной стороны. Оркестр «Руслана» красочен, динамичен и классически многогранен. Голосование Глинки поражает своей суровой и трезвой рациональной обоснованностью. Мелодические линии, упругие и напряженно мужественные в периодах эпического склада, пленяют мягкостью и ласковой негой на протяжении длительных лирических страниц музыки, лиричных, однако, какой бы то ни было слащавости и неуровности. Симфонизм Глинки ярко и сочно раскрывается в звуковой, гениальной по форме, светлой и радостной знаменитой увертюре к опере, в антрактовой музыке, в красочных фантастических танцах (III акт), в восточных танцах и в марше-шестью Черномора (IV акт). Поразително мастерство Глинки в использовании вариационной формы, в умении создать целый ряд колоритных эпизодов и психологически метких характеристик на основе одной темы (такова, например, романтическая баллада Финна в первой картине II акта).

ТАМ, ГДЕ УМЕР ГЛИНКА

Михаил Иванович Глинка дважды посетил Берлин: в 1833 году он жил в нем непродолжительное время, а затем приехал сюда в 1856 году, когда вынужден был окончательно покинуть родину.

21 января 1857 года в Королевском дворце было исполнено трио «Ах, не мне, бедному» из оперы «Иван Сусанин».

Возвращаясь с концерта, М. И. Глинка простудился и слег в постель. 15 февраля 1857 года великий композитор скончался. Его тело было привезено в Петербург и там похоронено.

1945 год. Через несколько дней после окончания боев за Берлин нам удалось обнаружить дом, где жил и умер Михаил Иванович Глинка. Произошло это так. Проходя по центру города, на втором этаже полуразрушенного дома мы вдруг увидели небольшой бюст. Не было сомнения, что это М. И. Глинка.

На стенах дома были укреплены уже тронутые временем и почерневшие от дыма и копоти две мемориальные доски. На них на русском и немецком языках написано: «В сем доме жил и скончался 15 февраля 1857 года русский композитор Михаил Иванович Глинка».

С именем и творчеством Глинки связаны важнейшие проблемы не только музыкально-исторической науки, но и музыкального творчества нашего времени. Нет ни одного советского композитора, сформированного облика которого в той или иной мере не помог бы опыт русской музыкальной классики, на протяжении всего периода своего развития неизменно опиравшейся на глинкинские традиции.

Эти традиции продолжают победоносно развиваться и обогащаться в нашу эпоху. Высоким патристическим чувством насыщены лучшие произведения советских композиторов, живущих одной жизнью с родным городом и стремящихся быть выразителями его высоких созидательных стремлений. Герико-патристическая, «сусанинская» тематика лежит в основе многих советских опер, кантат, ораторий и симфонических произведений.

Светлое лирическое начало, плущее от Пушкина и Глинки, также ощущается в различных вокальных и инструментальных жанрах советской музыки. И если говорить о традициях, с этими великими именами, то нельзя не указать на отчетливо выраженное в советской музыке этикетское начало, опирающееся на чувство моральной правоты нашего народа, строящего новое общество, новую жизнь, формирующего мировоззрение нового человека.

Участники вокального и хорового коллективов клуба «Гигант» Ярославского шинного завода подготовили к 100-летию со дня смерти М. И. Глинки лекцию-концерт, посвященную жизни и деятельности великого композитора. С ней они выступили на избирательных участках, в цехах завода.

ИВАНОВО. На предприятиях и в учебных заведениях рабочего

Дом, где жил и умер М. И. Глинка. Снимок сделан 20 мая 1945 года М. Шуленкиным.

позитор Михаил Иванович Глинки. Мы сняли пилотки и почтили светлую память своего великого соотечественника. Через несколько дней мы еще раз пришли к дому Глинки. На этот раз на развалинах лежали букеты живых цветов. Их приносили «отцу русской музыки» воины Советской Армии.

М. ШУЛЕНКИН.

поселка Лежнево и города текстильщиков Кинешмы, а также в ряде домов отдыха и санаториев силами областной филармонии уже проведены лекции-концерты, посвященные жизни и творчеству М. И. Глинки.

Среди коллективов и солистов художественной самодеятельности начался конкурс на лучшее исполнение его произведений. Помимо областного центра, конкурс проводится в городах Вичуге, Шуе, Кинешме, Фурманове, Тейково.

ЧЕРНИГОВ. В 1838 году М. И. Глинка побывал на Черниговщине. В парке Качановки в сих пор стоит беседка Глинки. В эти дни в библиотеках области открыты выставки, музыкальные школы готовят специальные концерты. Самодеятельные хоры включили в репертуар песни М. И. Глинки.

ТАЛЛИН. В государственной библиотеке имени Фр. Э. Крейшвальда открылась большая выставка, посвященная жизни и творчеству Глинки.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА» 14 февраля 1957 г. 3 стр.

Памяти бессмертного композитора

В фойе Большого зала Московской консерватории развернута выставка, посвященная родоначальнику русской национальной музыки Михаилу Ивановичу Глинке.

К 100-летию со дня смерти великого композитора Центральный музей музыкальной культуры имени Глинки обновлена экспозиция. Создан заново обширный раздел «Глинка в наши дни». Вот перед нами небольшой стенд, материалы которого повествуют о сегодняшнем Новоспасском, где сейчас расположен колхоз имени Глинки Работы художницы А. Шеклакиной знакомят нас с колхозной лесопилкой, мельницей. Рядом — фотографии На одной из них запечатлен земляк Михаила Ивановича колхозный скрипач Ф. Сорочкин, на другой — его слушатели-односельчане.

Подобраны документы, которые покажут, как деятели советской музыкальной культуры пропагандировали и изучают творчество композитора. Вот портрет В. Шеклакиной, который завершил Симфонию на две русские темы Глинки, материалы о работе Н. Мясковского и В. Ширинского над восстановлением квартета 3-Диг, произведения Б. Асафьева крупнейшего исследователя жизни и деятельности М. И. Глинки, и другие.

Специальные шты посвящены исполнению сочинений Михаила Ивановича за рубежом. Никто не может и не должен забывать, что Глинка был отцом русского музыкального возрождения, того возрождения, которое нам дало столько гениев и столько шедевров, обогативших нашу общину

В музее имени Глинки

художественную сокровищницу», — эти слова выдающегося испанского виолончелиста Пабло Казальса читаем мы на одном из штыгов. Здесь выставлены фотографии, альбомы, программы спектаклей и концертов, в том числе и самые последние, пришедшие из Албании, где совсем недавно был поставлен «Иван Сусанин».

На выставке экспонируется один из колоколов Новоспасской церкви, который слушал маленький Глинка. На нем можно прочесть надпись: «1784 году, февраля 23 дня в Новоспасском церковью весу 9 пудов 9 фунтов». Этот колокол случайно уцелел (церковь была разрушена фашистами) и обнаружен недавно на станции Ельня.

Много предметов передали музею родственники гениального композитора. Посетители могут осмотреть его камертон, лорнет, тарелки из Новоспасского. Пополняется и богатейший иконографический материал: из фондов Русского и Исторического музеев, Музея изобразительных искусств и других собрана ценнейшая коллекция. Многие образцы ее использованы в трудах о великом музыканте, вышедших в свет за последние годы. Здесь есть интересные изображения дяди М. И. Глинки — Афанасия Андреевича, чей крепостной оркестр был для будущего музыканта, по его признанию, «источником самых живых восторгов», сестер Людмилы Ивановны, Марии Ивановны, бабущи-

ки Феклы Александровны и других.

Всего на выставке свыше тысячи экспонатов. Сотрудники музея подготовили также сборник статей, куда включены библиографический справочник, материалы о М. И. Глинке в зарубежной прессе, более ста иллюстраций, публикуется стена у Финна в неизвестной авторской редакции и прочие документы. Кроме того, выйдет в свет каталог выставки. В помощь лекторам филармонии создано пособие, где читатели найдут высказывания Глинки, а также различных деятелей культуры о нем, библиографию.

Ученики класса баяна Смоленской детской музыкальной школы имени М. И. Глинки исполняют «Марш Черномора» из оперы «Руслан и Людмила».

Игорь БЭЛЗА.